

Михаил Салтыков-Щедрин

Либерал

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Либерал

OCR Евгений Пескин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135861

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Либерал

В некоторой стране жил-был либерал, и притом такой откровенный, что никто слова не молвит, а он уж во все горло гаркает: «Ах, господа, господа! что вы делаете! ведь вы сами себя губите!» И никто на него за это не сердился, а, напротив, все говорили: «Пускай предупреждает – нам же лучше!»

– Три фактора, – говорил он, – должны лежать в основании всякой общественности: свобода, обеспеченность и самодетельность. Ежели общество лишено свободы, то это значит, что оно живет без идеалов, без горения мысли, не имея ни основы для творчества, ни веры в предстоящие ему судьбы. Ежели общество сознает себя необеспеченным, то это налагает на него печать подавленности и делает равнодушным к собственной участи. Ежели общество лишено самодетельности, то оно становится неспособным к устройству своих дел и даже мало-помалу утрачивает представление об отечестве.

Вот как мыслил либерал, и, надо правду сказать, мыслил

правильно. Он видел, что кругом него люди, словно отравленные мухи бродят, и говорил себе: «Это оттого, что они не сознают себя строителями своих судеб. Это колодники, к которым и счастье, и злосчастье приходит без всякого с их стороны предвидения, которые не отдаются беззаветно своим ощущениям, потому что не могут определить, действительно ли это ощущения или какая-нибудь фантазмагория». Одним словом, либерал был твердо убежден, что лишь упомянутые три фактора могут дать обществу прочные устои и привести за собою все остальные блага, необходимые для развития общественности.

Но этого мало: либерал не только благородно мыслил, но и рвался благое дело делать. Заветнейшее его желание состояло в том, чтобы луч света, согревавший его мысль, прорезал окрестную тьму, осенил ее и все живущее напоил благоволением. Всех людей он признавал братьями, всех одинаково призывал насладиться под сению излюбленных им идеалов.

Хотя это стремление перевести идеалы из области эмпиреев на практическую почву припахивало не совсем благонадежно, но либерал так искренно пламенел, и притом был так мил и ко всем ласков, что ему даже неблагонадежность охотно прощали. Умел он и истину с улыбкой высказать, и протачком, где нужно прикинуться, и бескорыстием щегольнуть. А главное, никогда и ничего он не требовал, наступая на горло, а всегда только *по возможности* .

Конечно, выражение «по возможности» не представля-

ло для его ретивости ничего особенно лестного, но либерал примирялся с ним, во-первых, ради общей пользы, которая у него всегда на первом плане стояла, и, во-вторых, для ограждения своих идеалов от напрасной и преждевременной гибели. Сверх того, он знал, что идеалы, его одушевляющие, носят слишком отвлеченный характер, чтобы воздействовать на жизнь непосредственным образом. Что такое свобода? обеспеченность? самодеятельность? Все это отвлеченные термины, которые следует наполнить несомненно осязательным содержанием, чтобы в результате вышло общественное цветение. Термины эти, в своей общности, могут воспитывать общество, могут возвышать уровень его верований и надежд, но блага осязаемого, разливающего непосредственное ощущение довольства, принести не могут. Чтобы достичь этого блага, чтобы сделать идеал общедоступным, необходимо разменять его на мелочи и уже в этом виде применять к исцелению недугов, удручающих человечество. Вот тут-то, при размене на мелочи, и вырабатывается само собой это выражение: «по возможности», которое, из двух приходящих в соприкосновение сторон, одну заставляет *в известной степени* отказаться от замкнутости, а другую – *в значительной степени* сократить свои требования.

Все это отлично понял наш либерал и, заручившись этими соображениями, препоясался на брань с действительностью. И прежде всего, разумеется, обратился к сведущим людям.

– Свобода – ведь, кажется, тут ничего предосудительного

нет? – спросил он их.

– Не только не предосудительно, но и весьма похвально, – ответили сведущие люди, – ведь это только клеветают на нас, будто бы мы не желаем свободы; в действительности мы только об ней и печалимся... Но, разумеется, в пределах...

– Гм...»в пределах»... понимаю! А что вы скажете насчет обеспеченности?

– И это милости просим... Но, разумеется, тоже в пределах.

– А как вы находите мой идеал общественной самодеятельности?

– Его только и недоставало. Но, разумеется, опять-таки в пределах.

Что ж! в пределах, так в пределах! Сам либерал хорошо понимал, что иначе нельзя. Пусти-ка савраса без узды – он в один момент того накуролесит, что годами потом не поправишь! А с уздою – святое дело! Идет саврас и оглядывается: а ну-тко я тебя, саврас, кнутом шарашну... вот так!

И начал либерал «в пределах» орудовать: там урвет, тут урежет; а в третьем месте и совсем спрячется. А сведущие люди глядят на него и не нарадуются. Одно время даже так работой его увлеклись, что можно было подумать, что и они либералами сделались.

– Действуй! – поощряли они его, – тут обойди, здесь ступай, а там и вовсе не касайся. И будет все хорошо. Мы бы, любезный друг, и с радостью готовы тебя, козла, в огород пу-

стить, да сам видишь, каким тыном у нас огород обнесен!

– Вижу-то, вижу, – соглашался либерал, – но только как мне стыдно свои идеалы ломать! так стыдно! ах, как стыдно!

– Ну и постыдись маленько: стыд глаза не выест! зато, *по возможности*, все-таки затею свою выполнишь!

Однако, по мере того, как либеральная затея *по возможности* осуществлялась, сведущие люди догадывались, что даже и в этом виде идеалы либерала не розами пахнут. С одной стороны, чересчур широко задумано; с другой стороны – недостаточно созрело, к восприятию не готово.

– Невмоготу нам твои идеалы! – говорили либералу сведущие люди, – не готовы мы, не выдержим!

И так подробно и отчетливо все свои несостоятельности и подлости высчитывали, что либерал, как ни горько ему было, должен был согласиться, что, действительно, в предприятии его существует какой-то фаталистический огрех: не лезет в штаны, да и баста.

– Ах, как это печально! – роптал он на судьбу.

– Чудак! – утешали его сведущие люди, – есть от чего плакать! Тебе что нужно? – будущее за твоими идеалами обеспечить? – так ведь мы тебе в этом не препятствуем. Только не торопись ты, ради Христа! Ежели нельзя «по возможности», так удовольствуйся хоть тем, что отвоюешь «хоть что-нибудь»! Ведь и «хоть что-нибудь» свою цену имеет. Поменьку, да полегоньку, не торопясь, да богу помолясь – смотришь, ан одной ногой ты уж и в капище! В капище-то, с са-

мой постройки его никто не заглядывал; а ты взял да и заглянул... И за то бога благодари.

Делать нечего, пришлось и на этом помириться. Ежели нельзя «по возможности», так «хоть что-нибудь» старайся урвать, и на том спасибо скажи. Так и либерал и поступил, и вскоре так свыкся со своим новым положением, что сам дивился, как он был так глуп, полагая, что возможны какие-нибудь иные пределы. И уподобления всякие на подмогу к нему явились. И пшеничное, мол, зерно не сразу плод дает, а также поцеремонится. Сперва его надо в землю посадить, потом ожидать, покуда в нем произойдет процесс разложения, потом оно даст росток, который прозябнет, в трубку пойдет, восколосится и т.д. Вот через сколько волшебств должно перейти зерно, прежде нежели даст плод сторицею! Так же и тут, в погоне за идеалами. Посадил в землю «хоть что-нибудь» – сиди и жди.

И точно: посадил либерал в землю «хоть что-нибудь» – сидит и ждет. Только ждет-пождет, а не прозябает «хоть что-нибудь», и вся недолга. На камень оно, что ли, попало, или в навозе сопрело – поди, разбирай!

– Что за причина такая? – бормотал либерал в великом смущении.

– Та самая причина и есть, что загребаешь ты чересчур широко, – отвечали сведущие люди. – А народ у нас между тем слабый, расподлеющий. Ты к нему с добром, а он норovit тебя же в ложке утопить. Большую надо сноровку иметь,

чтобы с этим народом в чистоте себя сохранить!

– Помилуйте! что уж теперь об чистоте говорить! С каким я запасом-то в путь вышел, а кончил тем, что весь его по дороге растерял. Сперва « по возможности» действовал, потому на «хоть что-нибудь» съехал – неужто можно и еще дальше под гору идти?

– Разумеется, можно. Не хочешь ли, например, «применительно к подлости»?

– Как так?

– Очень просто. Ты говоришь, что принес нам идеалы, а мы говорим: «Прекрасно; только ежели ты хочешь, чтобы мы восчувствовали, то действуй применительно».

– Ну?

– Значит, идеалами-то не превозносись, а по нашему масштабу их сократи да применительно и действуй. А потом, может быть, и мы, коли пользу увидим... Мы, брат, тоже травленные волки, прожектеров-то видели! Намеднись генерал Крокодилов вот этак же к нам отъявился: «Господа, говорит, мой идеал – кутузка! пожалуйте!» Мы сдуру-то поверили, а теперь и сидим у него под ключом.

Крепко задумался либерал, услышав эти слова. И без того у него от первоначальных идеалов только одни ярлыки остались, а тут еще подлость напрямую для них прописывают! Ведь этак, пожалуй, не успеешь оглянуться, как и сам в подлецах очутишься. Господи! вразуми!

А сведущие люди, видя его задумчивость, с своей стороны

стали его понуждать. «Коли ты, либерал, заварил кашу, так уж не мудри, вари до конца! Ты нас взбудоражил, ты же нас и ублаготвори ... действуй!»

И стал он действовать. И все применительно к подлости. Попробует иногда, грешным делом, в сторонку улизнуть, а сведущий человек сейчас его за рукав: «Куда, либерал, глаза скосил? гляди прямо!»

Таким образом, шли дни за днями, а за ними шло вперед и дело преуспeyания «применительно к подлости». Идеалов и в помине уж не было – одна мразь осталась, – а либерал все-таки не унывал. «Что ж такое, что я свои идеалы по уши в подлости завязил? Зато я сам, яко столп, невредим стою! Сегодня я в грязи валяюсь, а завтра выглянет солнышко, обсушит грязь – я и опять молодец-молодцом!» А сведущие люди слушали эти его похвальбы и поддакивали: «Именно так!»

И вот, шел он однажды по улице со своим приятелем, по обыкновению, об идеалах калякал и свою мудрость на чем свет превозносил. Как вдруг он почувствовал, словно бы на щеку ему несколько брызгов пало. Откуда? с чего? Взглянул либерал наверх: не дождик ли, мол? Однако видит, что в небе ни облака, и солнышко, как угорелое, на зените играет. Ветерок хоть и подувает, но так как помои из окон выливать не указано, то и на эту операцию подозрение положить нельзя.

– Что за чудо! – говорит приятелю либерал, – дождя нет,

помоев нет, а у меня на щеку брызги летят!

– А видишь, вот за углом некоторый человек притаился, – ответил приятель, – это его дело! Плюнуть ему на тебя за твои либеральные дела захотелось, а в глаза сделать это смелости не хватает. Вот он, «применительно к подлости», из-за угла и плюнул, а на тебя ветром брызги нанесло.

1885

© 1996 Публичная электронная библиотека

Сверка произведена по «Собранию сочинений в двадцати томах» (Москва, «Художественная литература», 1974).

© Права на этот электронный текст принадлежат Публичной электронной библиотеке (Евгению Пескину), 1994 год. Разрешено свободное распространение при условии сохранения целостности текста (включая данную информацию). Разрешено свободное использование для некоммерческих целей при условии ссылки на источник.

Публичная Электронная Библиотека – товарный знак и знак обслуживания, принадлежащие Евгению Пескину.

E-mail: eugene@eugene.msk.su